

Валерий Смолыгин

Сквозь
призму
времени

Сборник рассказов

Валерий Столыпин
Сквозь призму времени

«Автор»

2020

Столыпин В.

Сквозь призму времени / В. Столыпин — «Автор», 2020

Любим, ох как любим мы вывернуть душу до самого доньшка в непринуждённой обстановке, выплеснуть горький осадок, чтобы попытаться забыть. Или наоборот накрепко запомнить и пережить заново, если переполняет до краёв ликующая радость бытия, когда есть, что и почему рассказать, но особенно некому. Откровеннее всего признаёмся и каемся, если рассказчик и слушатель почти незнакомы, когда исповедь, выворачивающая зигзаги судьбы наизнанку невозможно передать знакомым и близким, а душа или совесть страдают, болят. Поначалу я внимательно слушал бесхитростные откровения, позже начал писать. Историй у меня накопилось много.

© Столыпин В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Всё однажды кончается, но...	5
Когда ты успела вырасти	9
Белые кружева	19
В том окне, где не горел свет	26
Верка	29
Взрослая жизнь	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Валерий Столыпин

Сквозь призму времени

Всё однажды кончается, но...

Ночь пуста. Это норма. К чему ей казаться полной?

Небеса холодны, как и кровь, как вода в колодце.

В эту странную ночь Я хотел бы писать как Бродский,

О любви. Но на деле выходит сплошное порно.

Саша Бест

Чёрт бы побрал мою врождённую способность двигаться бесшумно.

Лучше бы я этого кино никогда не видел и не слышал. Хотя...

Что поделатъ, всё уже произошло: изменить видеоряд, остановить движение киноплёнки, закрыть глаза, отвернуться, уйти – не-воз-мож-но-о-о-о!!!

Чувственное изображение на картинке, чёрно-белый абрис безумной страсти на фоне стены, освещённой отражённым светом уличных фонарей, застыло где-то внутри меня: в мозгу, в глазах или где-то ещё вне телесной оболочки.

Объёмная голограмма впечаталась в сознание, словно отлитая в бронзе или высеченная в каменном монолите.

Это был миг... ослепительная вспышка между прошлым и будущим в звенящей темноте моей уютной комнаты... нашей с женой спальне, где мы прожили бесконечно долгие, благословенные и счастливые семь лет.

Честно говоря, я до сих пор не могу убедить себя, что это случилось на самом деле.

Дикая, нелепая случайность. Так хочется думать.

Все векторы судьбы странным образом сошлись в единственной точке, проекцию которой я только что с содроганием и леденящей тоской, сковывающей тело и разум, наблюдал на слабо мерцающем экране.

В электрической системе нашего офиса произошла какая-то странная авария, причину которой никак не могли обнаружить. Потом загорелся цокольный этаж. Понаехали пожарные, здание оцепили. Нас эвакуировали.

Начальство приняло решение отпустить всех по домам, поскольку на улице было темно, холодно и ветрено, а толпа на улице ограничивала аварийной команде свободу действий, а до завершения рабочего дня оставалось чуть больше двух часов.

Не скрою, я обрадовался. У жены как раз был плановый выходной. Мы так давно нигде не были вместе.

По дороге я совершенно случайно купил билеты на концерт Петра Налича, который анонсировали в ночном клубе по соседству с нашим домом.

Две девчушки уступили мне счастливый случай угодить жене: она так любит Петра и его замечательный музыкальный коллектив.

Сердце моё стучало в предвкушении триумфа до которого оставалось восемь пролётов лестницы (лифт почему-то не работал), входная дверь и малюсенький коридорчик.

Я тихо-тихо, как сапёр или разведчик, отворил замок, прошмыгнул в коридор, снял верхнюю одежду, стараясь не скрипеть ламинатом.

В квартире приятно вибрировал таинственный, мягкий полумрак, создающий для выполнения моей приятной миссии замечательный антураж и эмоционально насыщенную атмосферу.

Жена, по всей видимости, прилегла. Или мечтала о чём-то своём, девичьем. На то и выходной, чтобы насладиться тишиной и одиночеством. Сам давно мечтаю о целом дне, посвящённом беспрецедентной, абсолютной лени.

Тапочки я не стал одевать специально, мечтал разбудить любимую поцелуем или ласковым прикосновением.

Я различил в полной тишине едва слышимое шуршание, потом вздох или приглушённый стон.

Додумывать ничего не хотелось: до концерта оставалось не так много времени, если серьёзно рассуждать о том, чего стоит молодой женщине собраться на концерт экспромтом, без предупреждения.

Наслаждение моментом усилилось до размеров экстаза, когда я неожиданно почувствовал резкий, очень знакомый запах страстного поединка мужчины и женщины в постели.

Бред какой-то, странная материализация интимных фантазий.

Вечером, это приключение случится вечером, после концерта и... да, романтический ужин в кафе, а потом, на подъёме настроения в качестве благодарности.

Будет, конечно всё будет.

Понятно, что я тут же отмахнулся от глупой иллюзии, которой пытался увлечь меня изошёренный в интимных интригах мужской мозг, мечтающий скорее обнять любимую женщину.

Ещё один скользкий бесшумный шаг по поверхности полированного ламината...

На фоне тусклого света стены в нашей супружеской спальне красиво извивались две изящные тени. Чудесное видение.

Я едва успел затормозить, когда грациозный силуэт с мягкими девичьими округлостями, нависающий сверху, чувственно выгнулся и застонал.

Кино оказалось озвученным, причём голос был явно знакомый, тот самый голос, которым...

Неужели?! Да нет, глупости.

Я засмотрелся на стремительно раскачивающийся ритм волшебного танца теней.

Хрупкая фигура сверху хлопала летящими крыльями, вибрировала, грациозно и плавно откидывалась назад, застыла на мгновение, падала вниз.

Силуэты приподнимались, сливались, закручивались, порхали, растворялись в темноте и снова возникали на фоне мерцающего экрана, повторяясь на нём искорёженными пространством и перспективой двойниками теней.

Лишь изредка танцоры приобретали объём, когда их вытаскивал из темноты свет автомобильных фар.

Сладострастные звуки эмоционально дополняли потрясающий экспрессией и динамикой соблазнительный видеоряд, который крутили и крутили бесконечно долго.

Светлым каскадом рассыпались по плечам виртуозно скачущей прелестницы поблескивающие искрами волосы, струящиеся по угловатым плечам.

Я был потрясён, шокирован, раздавлен непристойно бесстыдной красотой кинофильма, на демонстрацию которого действующие лица и исполнители наверняка не рассчитывали.

Героиня ролика затряслась вдруг в экстазе, прерывисто задышала, закричала как раненая птица и затихла, позволив второй фигуре взять на себя ведущую роль.

Тени на время неподвижно застыли, переместив акцент на чмокающие звуковые эффекты, на жаркий чувственный шёпот, усиленный концентрированным ароматом похоти.

Мурашки толпой понеслись по моей превратившейся в очаг воспаления коже. Ничего более захватывающего, более интимного и чувственного я не видел ни на одном экране.

Где-то в глубине себя я пытался осознать нелепость и мерзость увиденного, но сложить воедино, поверить в реальность реализации страстного эротического сюжета с женой в главной роли было выше моих сил.

Тем временем любовники поменялись местами.

Крепко скроенный торс переместился вверх, принял, громко дыша и хлюпая, раскачиваться с ускоряющейся амплитудой. Крошечные ножки летали в такт мощным движениям.

Я стоял в оцепенении, не в силах сдвинуться с места.

Весьма правильно и эффектно в данных обстоятельствах было бы прервать захватывающее эротическое представление продолжительными аплодисментами, переходящими в неистовые овации, потом вызов на бис, включение яркой иллюминации...

Мне хотелось посмотреть в глаза пламенным виртуозам, лично поздравить с успехом премьеры, но на это не было, ни сил, ни желания.

Оставалось дожидаться ещё одной кульминации, которая судя по звукам была предельно близка.

Боже, какая нелепость какой дурной вкус, какое абсурдное восприятие действительности, в которой на моих глазах я же был превращён в украшенное ветвистыми рогами ничтожество: глядя на эту фантастическую пошлость, на публичную измену, у меня неожиданно случилась эрекция небывалой силы.

Кажется... кажется я кончил... кончил одновременно с актёршками.

Некоторое время, пока любовник накручивал на пальцы золотистые локоны жены, пока шептал ей на ушко слова признательности, пока громко перецеловывал что-то там у неё внизу, пока видеоряд транслировал лишь вздымающийся пузырь простыни или одеяла, я пытался прийти в себя, пытался принять хоть какое-то взвешенное решение, которого, увы, не было.

Туман в голове усиливался. Ещё мгновение и скорее всего я упал бы в обморок.

Я ощутил на губах солёный вкус: непрошенные, напрасные по своей сути слёзы. Стоит ли сожалеть о том, что стало вечностью, тем более не своей, чужой вечностью?

Всего один шаг между прошлым и будущим отделял меня от любви, которая упорхнула в нектати открытую форточку, только что, только что.

Я видел в динамике, как любимая женщина улетала в параллельную Вселенную, как яростно взмахивала элегантными руками-крыльями, такими маленькими, такими родными и нежными.

Подступило и заперло дыхание страстное желание закричать, затопать ногами, сорвать с негодяев обнажающие их преступную суть покровы, вывернуться, отхлестать по щекам, выбросить нагишом на лестничную площадку, чтобы неповадно было обманывать человека, который верил, верил, верил!

Верил, но ошибся.

У меня был выбор: устроить грандиозный скандал, став на мгновение победителем, или уйти незаметно, по-английски, отпустив ситуацию на волю, чтобы дать себе время обдумать каждую мелочь, каждый штрих предстоящего решения.

Мне было предельно больно, больно физически, словно что-то жизненно важное отчекрыжили от моей чувствительной плоти изуверским инквизиторским приспособлением, тщательно продуманным, чтобы причинять максимально возможные страдания.

За несколько мгновений, впрочем, я совсем не представлял порядок и размер реальной временной шкалы, потому, что она немисливо растянулась, образовав нечто вроде подвижного вывернутого наизнанку тора, возвращая и возвращая события в точку кристаллизации событий, разрушивших до основания ощущение мира во мне и меня в этой агрессивной, склонной к разрушению иллюзии.

Перед глазами поплыли обрывки чьих-то фраз, чёрно-белые мерцающие кадры суетящихся теней, резкий свет. Потом начали проявляться уродливые испуганные лица, выглядывающие из помятых простыней.

Любовник бочком сполз с супружеского ложа, зажал некий сморщенный предмет, болтающийся между ног.

Эхом звучали странные фразы пытающейся обосновать случайность произошедшего спектакля жены. Тщедушный мужчинка прыгал на одной ноге, пытаясь вдеть ногу в непослушную штанину, распихивал по карманам трусы и носки, извинялся, давал нелепые обещания.

Жена хлопала ресницами и губами, словно пыталась поймать пузырьки воздуха, спрятала под подушку использованные не по назначению трусики, стыдливо закрывала ладонями торчащие вишнями соски, суетливо накручивала на торс простыню.

Глядя на это представление, спонтанно созрело решение: какого чёрта я должен страдать по такому позитивному в принципе поводу? Карты, пусть и случайно, вскрыты, секреты обнажены, выставлены на обозрение. Шулер утратил шанс показывать фокусы.

Меня тут же отпустило. В голове и теле появилась лёгкость.

Я рассмеялся, рассмеялся им в глаза, сказал, что чёрно-белое зрелище чувственного секса, особенно завершающий аккорд, было впечатляющим, что я даже предположить не мог, насколько у меня темпераментная, гибкая и чувственная спутница жизни – просто цирковая акробатка, гетера, танцующая фурия.

Посылаю бывшей жене воздушный поцелуй, разворачиваюсь и триумфально удаляюсь, оставляя парочку в полном замешательстве.

Жаль, что не догадался снять пикантную сцену на телефон: в голову не пришло.

Ну и ладно. Зато я под впечатлением.

Моя жизнь, мои правила. А они... пусть сами разбираются. Каждый остаётся при своём: им секс, мне свобода от обмана.

И всё же интересно – как давно любимая водила меня за нос?

Когда ты успела вырасти

Грешно тело, мысли смелые –

Не взглянуть тебе в глаза!

Мы во сне такое делали –

Стыдно даже рассказать...

Елена Заостровцева

В квартире у Лёшки Мухина на музыкальные посиделки собирался почти весь бывший класс, несмотря на то, что судьба разбросала одноклассников в разные стороны. Большинство ребят жили рядом, даже в школу пришли из одной группы детского сада.

Встречались часто, дружно отстаивали коллективные интересы, вместе проводили довольно много времени.

Лёшка и Маша Соболева – неразлучные друзья ещё с младшей детсадовской группы.

Друзья умели прощать, подстраиваться друг к другу, даже если текущая ситуация сильно не нравилась одному из них.

Маша и Лёша старались не вмешиваться в личные дела и отношения, которые, естественно, имели место быть. Жизнь сама по себе мобильна и чрезвычайно подвижна.

Сегодня у тебя одни интересы, а завтра просыпаешься совсем другим. Сложно представить себя однажды сформированным и застывшим, словно карандашный набросок, нарисованный не особенно твёрдой рукой.

Развитие их немного странных отношений происходило, причём довольно стремительно.

В этом устоявшемся тандеме Машенька была двигателем, правда излишне форсированным, с моментальным износом, Лёша – корпусом и защитным кожухом.

Девушка фонтанировала идеями и эмоциями, которые во многом зависели от её сиюминутного настроения.

Внешне Маша была похожа на хрупкий стебелёк, увлечённый сражением со стихией, который раскачивается из стороны в сторону, прогибаясь иногда под немыслимым углом, чтобы не сломаться, но никогда не сдаётся.

Ей всё было интересно. Зачастую любопытство и равнодушие, сострадание и симпатии решали судьбу следующего её шага, а там, куда кривая выведет. Остановить это броуновское движение было практически невозможно.

Никому, кроме Лёши.

Он умел посмотреть ей ласково в глаза, погладить по головке, прижать к себе и предъяснить если не аргумент, то довод, позволяющий вспомнить, что существуют тормоза и почему ими нужно воспользоваться именно сейчас.

Машка всегда пыталась возражать, громко возмущалась, но слегка остыв, приходила к выводу, что в этом что-то есть. Во всяком случае, повод задуматься.

Тогда её мысли моментально набирали обороты, разлетались на сотни маленьких чертёжков, начинающих жить каждая по себе и увлекали в новые авантюры, в которых головокружительные подъёмы и спуски гарантировали массу приключений.

Не всегда безобидных.

Это было увлекательно и интересно, а больше ей ничего, до поры, не было нужно.

Чаще всего спонтанные маршруты приводили Машу к разочарованиям и эмоциональным ломкам. Такой уж характер. Ничего не поделаешь.

Молодость – пора обучения на собственных ошибках.

Родителей Маша любила, но не очень с ними ладила, потому что имела обыкновение выносить собственные суждения, основанные на принципах юношеского максимализма.

Лёша, по натуре человек довольно замкнутый, интроверт, сосредоточенный на внутренних переживаниях, что, однако, не мешало ему быть душой компании, не умел дружить сразу со многими.

Поддерживать приятельские отношения – да, но без взаимных обязательств. Маши это не касалось. Она была его единственным настоящим другом.

Лёша замечательно играл на гитаре, был весьма чувствителен к интонациям и звукам, любил петь баллады и лирические произведения, которые знал и помнил во множестве.

Именно поэтому у него дома, так получилось, что в свои девятнадцать лет он жил в собственной однокомнатной квартире, чуть ли не каждый вечер собирались многочисленные друзья.

В выходной день он садился на приступок балкона с внутренней стороны комнаты, все прочие, стояли и сидели вокруг, где могли найти место, и пел, подолгу с чувством терзая гитарные струны.

Девчонки плакали, то и дело просили сыграть что-либо наиболее чувствительное, выдавливающее слезу.

Девятнадцать лет – возраст любви и сентиментальных страстей, которые дарят, увы, не только радости. Грустить, когда вся жизнь впереди, но именно ты за ней не поспеваешь, кажется естественным и нормальным.

Тома Соколова уже замуж выскочить успела, а Леночка Головина так ни разу и не влюбилась по-настоящему. А жизнь-то проходит стороной, как сверкающий бал... только ты на него не попал.

Ах, как хочется все деликатесы мира отведать здесь и прямо сейчас.

"У беды глаза зелёные, не простят, не пощадят. С головой иду склонённую, виноватый прячу взгляд. В поле ласковое выйду я и заплачу над собой. Кто же боль такую выдумал, и за что мне эта боль..." – поёт Лёша, закрыв в эмоциональной впечатлительности глаза.

Слушатели подстраивают собственные чувства под этот мелодичный вокальный аккорд, переживают вместе с исполнителем, или с автором, вместо героя баллады.

Голос у солиста проникновенный, преисполнен сострадания и грусти. Девочки вытирают платочками слёзы, прижимаются друг к другу.

Сентиментальный возраст. Кто в девятнадцать лет не грезил о романтических чувствах? У кого-то хватает своих авантюрных увлечений, закручивающих сценарии любовных интриг хлеще, чем в Санта Барбаре.

– Спой ещё. Ну, пожалуйста!

Лёшка никогда не отказывает – исполнителя формирует публика, без неё он ничто..

Сегодня Маша не пришла. У неё очередная головокружительная любовь. Вот уже месяца полтора девочка ходит с ума от нахлынувших лавиной чувств.

Лёшка переживает: как бы глупостей не наделала!

Но ведь он не отец, всего лишь друг. Значит, его дело – сторона.

Сегодня песни не такие как обычно. В них красной строкой прослеживается неразделённая любовь, страдания по упущенным возможностям, сожаления по не случившемуся и утерянному. Таких песен в его репертуаре много.

Прежде их было меньше.

Неожиданно в квартиру ворвалась Маша: растерянная, но решительная.

– Мне нужно с тобой поговорить, это срочно.

– Присаживайся, Машико. Я же не один, погоди. Куда так спешишь? Допою, тогда...

Гости засобирались. Время позднее, вид у Машки довольно растёрзанный. Никто ведь толком не знает, что у них за отношения. Вроде как с Ромкой девушка гуляет, а каждый день, после свидания к Лёшику спешит.

Кто их разберёт, нынешних. С подругами своими переживаниями девочка не делилась, а с ним могла.

Маша влетела на кухню, поставила чайник. Для отвода глаз. Ужас как хотелось заплакать.

Глаза медленно наливались влагой, порывистые жесты свидетельствовали о возбуждённом состоянии.

Ребята прощались поцелуями (с некоторых пор подобные действия стали модными), пытались шутить, а Маша прятала от всех покрасневшие глаза.

– Скорее бы все ушли, – негодовала девочка.

В воздухе повисло облако напряжения, точнее сгусток неконтролируемой энергии, готовой вот-вот разрядиться.

Никому не хочется очутиться в эпицентре скандала. Желание и дальше купаться в океане романтических эмоций, навеянных голосом и звуками, было, но даже любопытство отступает перед сигналом бедствия, посылаемым подругой.

Не успели гости разойтись, как Маша расплакалась, дав волю переживаниям.

Лёша, нервно перебирая струны, молчал: Машкино состояние можно было понять без слов.

Не в его правилах лезть с расспросами. Кому есть, что сказать, откроется сам.

– Я в душ, ладно? Не хочу, чтобы ты меня такую страшную видел. Дай халат.

– Машико, дружище, ты же знаешь, в этом доме нет подобных нарядов. Манерность мне несвойственна. В шкафу лежат рубашки. С твоим мини ростом они будут выглядеть пеньюарами. Выбирай любую, мойся, сколько душенька пожелает. Мой дом – твой дом. Что для тебя спеть?

– Беду.

– Сегодня девчонки заказывали её три раза. Неужели так забавно чувствовать боль, слёзы? Давай лучше спою не менее грустную балладу, но с позитивным вектором. Хорошая вещь. Думаю, ты ещё не слышала. *“Я скучаю по тебе, как апостол по святым мукам. Я скучаю по тебе, вот такая штука. Казалось бы, ну что скучать, считается полезным, недельку друг от друга отдохнуть. И я всё пробую начать жить логикой железной, но в логику любовь никак не запихнуть...”*

– Лёшик, – слезливо прошептала Маша, – ты пой, пожалуйста, не обращай внимания на моё настроение. Я тебе всё-всё-всё расскажу, даже то, в чём себе боюсь признаться. Вот, успокоюсь немного, приду в себя. Не представляешь, как мне паршиво. Можно я дверь в ванную закрывать не буду, чтобы слышать твой голос, он меня успокаивает. Ты единственный меня понимаешь.

– Расслабься, девочка. Поддайся очарованию мелодии. Жизнь прекрасна в любых проявлениях. Для того чтобы это понять в полной мере нужно просто не прятаться от неё. Так приятно, что хоть кому-то я нужен, необходим. *“Я скучаю по тебе, как подранок по своей стае. Я скучаю по тебе, вот ведь как бывает. Я, девочка моя, скучаю по тебе...”*

– Машико, скажи честно, ты когда-нибудь скучала по мне... как подранок по своей стае? Ладно, не бери в голову, это я так, шучу... сама знаешь, иногда меня заносит. Так и тянет сморозить глупость, особенно когда у тебя, у моей подружки, неприятности, или плохое настроение. Ты там не замылась, вся комната в тумане. Покажи дяде своё умытое личико, но только без следов сырости. Подай голос, скажи, что у тебя всё хорошо.

Маша вошла в комнату в обволакивающем облаке пара, совершенно нагая. На голове был свит тюрбан из полотенца.

Это было что-то новенькое в их отношениях.

Алексей хотел было отвернуться, но посмотреть было на что. Вполне естественно, что юноша округлил глаза, увидев то, о чём в приличном обществе по возможности даже не упоминают.

Руками девочка застенчиво прикрывала грудь и низ живота, желая, однако, чтобы Лёша увидел по возможности всё. Такая вот у Машки была авантюрная задумка, спонтанный выплеск эмоций с единственной целью – отомстить предавшему первую настоящую любовь Ромке.

На Машином лице слились в единое целое одновременно небывалая решимость и крайняя растерянность. Она сама не ожидала от себя такой смелости.

Решение было принято спонтанно, чтобы реализовать и утилизировать жгучую обиду, оскорбительное, если не сказать, грубое, унижение и изрядную долю брезгливости к предателю.

Подавив внезапное замешательство и недоумение по поводу нелепого поступка подруги, Алексей всё же опустил глаза, не прекращая, однако, играть на гитаре, – колись, какие у тебя проблемы, Машико? По-моему, ты забыла надеть рубашку. Бывает. Простительная девичья беспечность, неспособность сосредоточиться. Вернись, приведи себя в порядок.

– Даже не подумаю. Ничего я не забыла. С головой у меня тоже всё в порядке. Я так решила. Хочу, чтобы ты стал моим первым мужчиной. Именно ты, а не какой-нибудь Ромка, который соблазнит и побежит обниматься с другой. Потому, что ему всё равно. А тебе – нет.

– Не дури, Мария, – так Алексей называл её, когда сильно сердился, – глупость – это то, что потом невозможно исправить. Если невоготу – поспи и всё пройдёт. И не зли меня – выгоню!

– Глупости, говоришь! Конечно глупости. Пусть так, глупости тоже надо делать с удовольствием. Чего отвернулся-то... а я знаю почему, знаю! Я красивая. Ты не можешь меня не хотеть. Не можешь. И не надо. Вот она я, смотри. Раве вот это тебе не нравится... а это. Дотронься, сделай хоть один раз в жизни для меня что-то хорошее, чтобы я запомнила на всю жизнь. Ты же можешь, Лёша, можешь... я знаю.

И разревелась.

– Оденься, кому сказал. Сама потом жалеть будешь. Это ведь даже не каприз, это детская забава, шалость. Извини, Машка, но друзьями грешно манипулировать, нельзя использовать искренность и доверие как одноразовые стаканчики.

Друзей, если так понятнее, не трахают!

Не хотел выражаться столь откровенно, но иначе тебя не привести в чувство.

Потерять в твоём лице друга я не хочу. Не пытайся меня соблазнять, я ведь обычный мужик... такой же, как все, с нормально развитой сексуальностью, с первобытными интимными потребностями, если хочешь, с развитой половой агрессивностью.

Если ты сейчас же не прекратишь дефилировать передо мной в этом эротическом костюме, основной инстинкт может разбудить во мне зверя.

Чувствами, Мишико, не разбрасываются. Их нужно воспитывать, щадить... и экономить. Рассказывай уже, что случилось.

И давай наши отношения оставим в том виде, что были до того, как ты начала играть во взрослую женщину. Договорились?

– Мне скоро девятнадцать. Имею право распоряжаться своим телом, как захочу. Не устраиваю тебе как женщина! Впрочем, не слушай, я несу откровенную чушь. Ты всегда был настоящим другом. Не нужно меня жалеть. Там нет золотых самородков, не велика потеря – девственность. Вообще непонятно, какой идиот решил, что её нужно охранять.

– Не её – тебя, дурочка, твою чистоту, нравственную непорочность, психику. У вадима Хавина есть такие строки *“На кораблике бумажном наша юность вдаль умчалась. Что казалось нам неважным – самым важным оказалось. Всё так близко, всё так тонко, только это вспомнить мне бы, как смеялись нам вдогонку две звезды в высоком небе”*. Сохрани свою звезду, Машенька, для себя сохрани, для настоящей любви.

– Сейчас заплачу. Не пытайся меня отговорить, просто сделай, что просят... и всё. Не хочу я, понимаешь, не могу доверить эту самую чистоту кому попало. Кругом одни предатели. Неужели тебе меня не жалко!

– Не надо обобщать. У тебя есть любимый, поделись с ним. Пойми, у каждого есть интимные зоны сугубо индивидуального пользования. Представь себе, что я попросил у тебя зубную щётку, почистил ей зубы, заодно навёл блеск на ботинки... и вернул тебе. Что ты с ней сделаешь? То-то и оно – выбросишь. А ты хочешь точно так же распорядиться своей непорочностью, которая даётся однажды. Не искушай: ни себя, ни меня.

– Я... для тебя, что-то вроде зубной щётки!

– Ты для меня самый близкий и дорогой человек. Не имею права, и не хочу, ломать твою судьбу из-за того, что очень хочется слопать сладенький десерт, несмотря на то, что не голоден, потому только, что тебе его пихают прямо под нос.

Плывать я хотел, что тебе без разницы, в данную секунду времени. Может у тебя мозги от обиды в кисель превратились. Откуда мне знать, что ты на самом деле задумала.

Ты что – с жизнью прощаешься, в жертву себя приносишь. Так я не шаман, не пастырь.

И потом... вы, женщины, так заботитесь о целомудренности физической, возводя этот символ на пьедестал, забывая о непорочности духовной. Разве плоть, лишённая гимена не способна хранить чистоту? Оденься сейчас же. Рассказывай, чтостряслось. Если хочешь, конечно.

– Не просто хочу, жажду. У меня всё внутри бурлит и клокочет. Ромка оказался обыкновенным прохвостом. Кобелём, бабником. Он, видите ли, одолжение мне делает, что спит с другими девчонками, чтобы жениться на девственнице. Вот, оказывается, как!

– Не стоит делать поспешные выводы. Утро вечера мудренее. Остынешь, и помиритесь, будешь сожалеть о своих словах, тем более, необдуманных действиях. Разве не ты тархтела о большой любви?

– Ромка уверял, что любит. Как я могла не поверить, как! Он был такой славный, такой заботливый. Мне ведь никто до него не признавался. Что я о той любви знала. Ключик повернул и завёл, как механическую игрушку. Знаешь – цыплёночек такой. Накручиваешь пружинку и отпускаешь, а он прыгает как подорванный. И бац – головой в стенку.

Потому, что ненастоящий – заводной.

Я сейчас себя таким цыплёнком чувствую. Хлоп и разбилась. Не насмерть конечно. Потому и хочу избавиться от сомнительной ценности, ради которой он меня так подло бережёт. Всё ты правильно сказал, Ромка – зубной щёткой своей, всем девчонкам хочет кое-чего прочистить.

А потом, когда вдоволь наиграется, у него что – новая женилка вырастет? Забавно, да!

– А если это сплетни, нелепые слухи?

– Как же, ага! Мы с ним гуляли, о будущем мечтали. Ромка мне про любовь... а там мороженое продавали. Он и предложил. Когда расплачивался, из кошелька квадратик выпал. Я же шустрая, ты знаешь, нагнулась и подняла, резинку. Презерватив. И в кошельке ещё несколько.

– Да сейчас у каждого мальчишки с собой эти штуки есть. Родители на всякий случай в карманы пихают.

– И у тебя есть, покажи?

– Мне-то зачем?

– Вот и я так подумала, зачем! И спросила. А он в глаза мне смотрит нагло и говорит, – это, мол, средство гигиены. Кругом болезни нехорошие, гепатит и прочие интимные опасности.

Это, конечно, я понимаю, но ему-то они зачем, эти самые средства защиты от интимных опасностей?

От кого защищаетесь, молодой человек, мы ведь ещё не настолько близки, чтобы опасаться обмана.

Поцелуи и прогулки при Луне – не в счёт.

Вот тогда он и начал преподносить мне доморощенную теорию, согласно которой жена должна быть девственницей.

– А муж, спрашиваю я?

Он и высказался, что целомудренность мужчины природой не предусмотрена. Мол, воздержание для них, для вас, то есть, может привести к необратимым последствиям для физического здоровья. Значит, он нагуляется до свадьбы, а я, невеста, должна себя блюсти, чтобы церемониал ритуальный выдержать.

Ну а как же девочки, с которыми он предполагает своё здоровье экономить, ведь они тоже чьи-то невесты когда-нибудь будут, или уже были?

Закавыка. А это, оказывается – их личное дело. Он не монах, чтобы нравственность блюсти.

– А если он теоретик, философ доморощенный. откуда тебе знать, что человек поступает так, как губами шлёпает?

– Признался. Ну, не совсем как бы сам. Начала я вспоминать, с кем он до меня хороводился, это ведь на моих глазах происходило. Прямо в лоб и спросила, спал ли он с Леночкой, с Викой, с Кариной Крупининой.

Это нужно было видеть, как он плевался, как орал, словно индюк надулся, мол, все бабы одним миром мазаны, что взамен признаний в любви готовы похотливые ножки перед кем угодно в стороны развести. Ни одна, якобы, перед его мужским обаянием не устояла, и я тоже. Ага! Так и сказал. Как думаешь, Лёшенька, теоретик он или всё же практик?

– Ну, и чего ты так расстроилась! У вас же, как ты говоришь, ничего не было. ни-чего! Это же замечательно. Можно сказать, счастливый случай.

А если бы ты не захотела мороженого, если бы он не достал грёбаный кошелек, если бы его кобелизм открылся после свадьбы! Или... когда ребёночка сделали?

У меня в холодильнике лежит бутылочка сухого вина. Называется “Свадебное”. Давай выпьем за глупость, которую ты по счастливой случайности не успела совершить, не представляешь, как я рад за тебя, Машка!

Жизнь вообще штука жестокая, циничная, целиком и полностью построена на голом эгоизме. Ты же сама теперь понимаешь, что это не любовь была, романтическая влюблённость, болезненная фантазия.

Так чувствительные девичьи ушки на сентиментальные фразы озабоченных кавалеров реагировать настроены.

– Как тогда, скажи, распознать – что есть что! Как выглядит и пахнет любовь, а дружба как, а предательство, эгоизм?

– Дружба, я так понимаю – это духовное родство. Оно тоже в какой-то мере эгоистично, но когда цели совпадают, когда люди способны добровольно соблюдать баланс интересов, отдавать больше, чем получают, каждый имеет в итоге больше, чем вносит в общую копилку.

К сожалению, вечной дружбы не бывает. Люди развиваются с разной скоростью. А любовь... любовь – это полное родство, это духовное и физическое слияние.

И душой, и телом, и помыслами, и целями.

Любовь между мужчиной и женщиной без телесного единения невысказана.

– Лёшь, а ты сам кого-нибудь любил, так, чтобы крышу до основания сдувало, как у меня?

– Да любовь ли это была, Машутка, то гипноз был, морок.

Если всё, что ты рассказала, правда, выходит, что Ромка твой – опытный манипулятор. Теперь это называется пикапер, специалист в области быстрого секса без обязательств.

Знаешь, в любой профессии есть мастера, а есть ремесленники. Настоящий виртуоз каждой профессиональной изюминке подходит с творческой изобретательностью, как мастер, но не ремесленник, доводит технологический процесс до совершенства, а бездарность норовит вершки собрать, которые без его усилий выросли. Для него неважно, что в грязи постоянно копаются.

Как тут без средств гигиены, когда по уши в дерьме?

Он не девчонок боится – себя.

Полюбишь ещё, Машико, поверь мне. Какие твои годы. Что касается меня – я однолюб. Наверно судьбу свою пока не встретил, серьёзных чувств ни к кому не испытывал.

– А я, а меня смог бы полюбить, по-настоящему?

– Мария, ты опять за своё! Не идёт тебе роль искусительницы, поверь. Тебя саму пока голыми руками брать можно, стоит только заклинание из трёх слов произнести.

– Да... и какое же!

– Например, я тебя люблю...

– Так почему столько лет не произносишь?

– Вот ведь упрямая! Я человек меланхоличный, монотонный, для тебя малопривлекательный. Со мной быстро заскучаешь. Ты шустрая, а я увалень, сосредоточенный на внутрен-

них переживаниях. Если непременно хочешь девственности лишиться, купи фаллоимитатор. Ему всё равно, кого любить.

– Дурак! Сколько лет мы с тобой дружим, шестнадцать? До сих пор не затосковали. Ты же сам про заклинание сказал, я тебя за язык не тянула. А вдруг сработает?

– Это теоретически. Практика намного сложнее. Не могу я воспринимать тебя как эротический объект. Но и другая девчонка мне не нужна.

– Если другая не нужна, подумай... значит я... я тебе нужна, ты это хотел сказать?

– Ты, Машико... ты как песня – для души. Не представляю, как жить буду, когда ты замуж выскочишь. Ни один муж не позволит тебе с мужчиной дружбу водить. Я об этом часто думаю. Наверно придётся уехать отсюда, чтобы такие серьёзные перемены пережить.

– Погоди, Лёшик, погоди, не путай меня... с чего ты решил, что я замуж собралась?

– Все девчонки, Маша, все до единой... обязательно семью хотят... и детишек. Так природа распорядилась. Не тебе естественному ходу жизни перечить. Ты влюбчивая, эмоциональная, красивая... пальцем только помани. Любой за тобой хвостиком побежит. За Ромку замуж собиралась... скажешь, нет?

– Дура была. Ты мне глаза открыл, я и задумалась. Помани, Лёшенька, слово ласковое скажи. Что же мы с тобой, так всю жизнь и будем глазки друг другу строить? Поцелуй меня, что ли... для начала.

– Не шути так, Мария, прошу тебя, мы всё обсудили. С чувствами играть грешно. Знаешь же, что сестрёнка моя вены себе резала... из-за такого же как твой Рома, между прочим. Только звали его иначе – Вася.

И где тот Вася?

А нет ему никакого дела до её любви. Ему инструмент любимый присунуть нужно было, чтобы не иссохся. И всё.

Получил необходимую порцию адреналина и отвалил искать следующую дурочку, или дырочку, чтобы насадить на тот же крючок с наживкой "я тебя люблю". И ведь не остаются эти рыбаки без улова.

– Даже не думала играть с тобой в рыбака и рыбку. Ты надёжный.

– Нет такой профессии. Костыль – тоже надежное приспособление, только никто его в женихи не берёт. А сама что скажешь – любишь меня?

– Врать не буду, не разобралась. Я теперь ни на один твой вопрос с уверенностью ответить не могу. Одно знаю – нужен ты мне. Пропаду без тебя, это точно. А любить... можно ведь научиться, как думаешь?

– Не знаю. Наверно да, если желание обоюдное.

– Давай попробуем. Мы ведь ничем не рискуем. Я тебе доверяю... полностью. Поцелуешь?

– Не сейчас, Машутка, не сейчас. Думать нужно, серьёзно думать. Как бы не ошибиться. Не мне – тебе, девочка. Обидно будет сменять часы на трусы. Что в часах без трусов, что наоборот – сплошные неудобства и неприятности. Слишком всё это серьёзно. Можно, я подумаю?

– Тогда домой провожай. Я тоже думать буду. Дома, чтобы тебя рядом не было, а то под твоим взглядом плыву. Можно хоть я тебя поцелую? Один разочек.

– Валяй, Машико! Подруженька моя, когда же ты успела вырасти? Целоваться ей подавай, женщиной быть захотелось. Ну и дела...

Друзья слились в неловком, но страстном поцелуе. У Лёши этот поцелуй действительно был первым. Он и не предполагал, насколько это сладкое блюдо.

Поверьте, так бывает.

Белые кружева

Классический рецепт -

Смешайте с грустью кофе...

А, впрочем, не пора ль

От правил отступить?

Открою вам секрет:

Я, в общем-то, не профи

Советы раздавать.

Продолжу просто жить.

Мила Светлова-Скрипка

Случалось ли вам когда-нибудь выпасть из реальности, совсем, абсолютно, напрочь, чтобы никаких ровным счётом воспоминаний, вообще ничего?

Мишка Самойлов очнулся от громкого окрика, от того, что его трясли.

Сознание возвращалось медленно. Мужчина не мог понять, где находится, почему и зачем он здесь. На поверхность выплывала лишь одна догадка: неужели вырубил в драке, но отчего на нём такая странная одежда, словно с чужого плеча?

Было время, когда он боксировал довольно прилично, даже выходил на межобластной уровень. За год в соревнованиях разделал по орех двенадцать противников. Пять из них нокаутами.

Наверно слишком сильно поверил в удачу. Решил поучаствовать в боях без правил. В первом и последнем бою получил такую плюху, что очухался в реанимации. С тех пор, как бабушка заговорила: драк избегал любым путём.

Мишка потрогал скулы, бровь, переносицу, затылок – ничего не болело, но шумело где-то в мозгах изрядно.

Что всё-таки произошло?

Тряс его молоденький милиционер, совсем юнец. У стража порядка было выцветшее конопатое лицо, жидкие рыжие волосы и пустые, словно совсем бесцветные глаза.

– Сержант Борщ, – представился он, – документики предъявляем, гражданин.

– Я что-то натворил... извините, а где я?

– Понимаю, после недельного как минимум запоя, и я бы забыл, как меня зовут.

– А число... число сегодня какое?

– Ясно. Белый и горячий. Пройдёмте в отделение, будем разбираться.

В голове у Мишки потрескивало, жужжало и вибрировало. Судя по обстановке, это был вокзал, скорее всего железнодорожный.

Возвращение к действительности было болезненным, утомительным и очень долгим.

Сначала он сидел в “обезьяннике” в отделении милиции при вокзале, пока выясняли его личность, потом добирался без копейки денег на перекладных в соседнюю область, чему способствовали оперативники, передающие его с рук на руки.

Память к Михаилу вернулась ещё там, где его нашли.

Начало истории он вспомнил, но не то, что случилось после. Где и с какой целью скитался целую неделю, так и осталось загадкой.

Хорошо хоть ключи оставил соседке, чтобы кота кормила.

Мария Ивановна посмотрела на него весьма странно, словно не узнала, однако дверь отворила.

В квартире было чисто, только прибрано явно чужой, причём однозначно женской рукой. Это видно по кухне, по компьютерному столу. Там был полный порядок, такой, что теперь ничего не разберёшь.

Было непреодолимое желание выспаться, но хотелось добраться до сути, хотя бы схематически определить, как умудрился попасть в неприглядную историю.

Михаил ходил по комнатам, заглядывал в ящики шкафов, залез в компьютер.

Экран открылся заставкой. Это был портрет Оксаны. Девушка смотрела ему прямо в глаза, обещая как минимум поцелуй.

Мишка залюбовался невестой.

– Невестой! Да, да, именно так. У нас же должна состояться свадьба. Вот, шестнадцатого июня. Шестнадцатого! Но сегодня двадцать пятое.

Мишка сел в кресло, задумался.

В голове было пусто.

Его мутило, от голода сосало под ложечкой, клонило в сон, но желание вернуться в реальность было сильнее.

Мишка решил поговорить с соседкой, встал, но она опередила события.

– Ты насовсем, Миша, а жена где, почему ты один, – напугала Мария Ивановна бесшумным появлением с котом на руках.

– Жена... у меня есть жена?

– Должна быть. По крайней мере, когда мы в последний раз разговаривали, ты собирался на собственную свадьбу. Выглядел куда интересней, чем сейчас. Невесту звали Оксана, если ничего не путаю. Почему ты в такой странной одежде? Не брит, пахнет от тебя, мягко говоря, не очень... не понимаю.

– Я сам ничего не понимаю. Хотел у вас спросить, разобраться. Ладно, сначала нужно выспаться, иначе совсем с ума сойду. Жена, невеста. Что я ещё о себе не знаю?

Сон был беспокойный. В нём он шёл по длинному тёмному коридору и открывал двери, одну за другой.

Нигде никого не было, однако пустота встречала странным смехом: непристойным, истерическим, вульгарным, даже нахальным.

Этот раздражающий хохот выводил из себя, взвинчивал. Было ощущение, что разгадка таится за одной из этих дверей, но она ускользала, сопровождая напрасные усилия сатанинскими звуками.

Это нечто над Мишкой явно издевалось, не иначе.

Дверей было много, очень много. Что-то гнало его вперёд, заставляло торопиться.

За очередной дверью, у Мишки было предчувствие, что именно она охраняет тайну, был яркий свет.

Тишину нарушали мерные шлепки. Где-то он подобное слышал.

Справа стояло существо с рожками в козлиной шкуре. Оно ритмично с силой двигало тазом в направлении стола, энергично помахивая хвостом, а руками с копытами держало женские ноги в знакомых туфельках.

Эти туфельки... туфельки он лично примерял Оксане.

Оксане. Примерял. Невесте. Примерял.

В это время рогатое повернулось. У него были Витькино лицо.

Лицо или маска Витьки Пронина, лучшего друга и свидетеля на его свадьбе.

Мишка закричал, проснулся. Видимо во сне он придавил Чубайса, кота, доставшегося от матери по наследству.

Тот взвился, протянул когтищами по лицу, располосовал щёку.

Оксана, Витька, туфли, свадьба, – как робот повторял Михаил, прижимая к щеке окровавленную подушку.

Сердце билось в предчувствии чего-то ужасного, непоправимого.

Оксана появилась в его жизни чуть больше года назад. Они познакомились у Витьки на дне рождения.

Девушка покорила его сердце сразу, стоило лишь заглянуть ей в глаза. Они танцевали, разговаривали. От неё веяло теплом, уютом и уверенностью.

Оксана знала, чего хочет от жизни, по каждому вопросу имела сформированное суждение, была жизнерадостна и легка. И дело не в весе девочки, в её живости, остроумии, дружелюбии и нежности.

Двигалась подруга плавно, по-кошачьи. Так же пластично выгибалась, жестикулировала, посылая мимические сигналы.

Спустя пару часов Мишка уже сходил по ней с ума. Оксана позволяла за собой ухаживать. А как она пахла! Словно земляничная поляна в хвойном лесу в знойный полдень.

Юноша надыхаться не мог.

К тому же девушка позволила проводить себя до дома. Как же застенчиво и скромно она себя вела, даже поцеловать не позволила.

Почти год волочился парень за Оксаной, добивался взаимности. Настойчивость и любовь сделали своё дело.

Влюблённые подали заявление на регистрацию брака, обговорили детали, приготовили к свадьбе всё-всё-всё.

Как же сладко было её целовать. Хрупкое тело в его неопытных руках буквально таяло. Наконец-то Оксана позволила некоторую степень близости.

События минувшего года пролетели в сознании, шурша запоминающимися мгновениями, чудесными переживаниями, увлекательными моментами, непередаваемыми эмоциями, не проходящим состоянием безграничного счастья и уткнулись в нечто ужасное.

Опять это пугающее нечто. Всё, как во сне.

Мишка попытался вернуть обратно ангельскую внешность любимой, снова включил компьютер.

Оксана была великолепна, хотя позировала, намеренно выдавая себя за опытную, даже немного стервозную женщину.

На портрете в заставке она выглядела той ещё штучкой.

Тут ему в голову пришла идея позвонить.

Телефона нигде не было.

Но ведь есть скайп, одноклассники, наконец. Куда она пропала, почему сам он оказался не рядом?

А свадьба...

Рука потянулась к мышке.

Гул в голове набирал обороты, словно реактивный самолёт разгоняет двигатель. Мишка даже схватился за уши, чтобы хоть так заглушить непереносимый шум.

Вдруг всё стихло. Слышно было, как Чубайс лакает что-то из блюдечка рядом со столом. Этот звук напомнил то, что испугало, что вывело его за пределы сознания, потому, что поверить в это было невозможно.

Там, в той комнате...

Оставалось несколько минут до регистрации. Торжественный акт у предыдущей пары подходил к завершению. Жених волновался. Невеста, видимо, тоже.

Оксана в облаке фаты и свадебных кружев улыбнулась мило, передала Мишке свадебный букет, чмокнула в губы, – я скоро, любимый. Даже соскучиться не успеешь. Как же я люблю тебя, плюшевый мой пупс.

– Давай я тебя провожу.

– Ну что ты, неудобно оставлять гостей в такую минуту. Я так счастлива.

Мишка посмотрел, как невеста подобрала платье, как ловко, словно плыли по блестящему паркету, переступали малюсенькие туфельки.

Как же ему хотелось, чтобы всё это ненужное торжество быстрее закончилось. Юноша мечтал о первой брачной ночи, о том, с каким наслаждением будет знакомиться с обнажённым телом теперь уже почти жены.

Мишка чувствовал каждой клеточкой тела, как прикасается губами к животу любимой, как опускается ниже и ниже.

На этом месте ему стало неловко, потому, что его желание явно угадывалось по выпирающему бугру в брюках.

Жених посмотрел на гостей. Им было не до него.

Из зала уже выходили новоиспечённые молодые супруги: раскрасневшиеся, уставшие, но весьма довольные, что торжественная церемония позади.

В зале их ждали накрытые столы с конфетами, фруктами и шампанским.

Невесты всё не было.

На него начали шикать. Хотели было послать на поиски свидетеля, но тот тоже испарился.

Мишка побежал сам.

Сам побежал.

Коридор был длинный, направо и налево комнаты.

Жених открывал все подряд.

Нигде никого не было.

В туалете тоже.
Он даже в дамскую комнату заглянул.
Там Оксаны тоже не оказалось.

Оставалась всего одна дверь.
Мишка уже хотел повернуть назад, но чего-то такое услышал. Кажется голос.

Мгновение он колебался, открывать или нет, нужно было торопиться. Если пропустят свою очередь, ждать придётся до окончания всех регистраций.

За последней дверью жених увидел то, чего не должно было быть в принципе, чего просто не могло быть.

Не мо-г-ло!

Но было.

Белые кружева, миниатюрные туфельки на высоком каблучке, летающие в воздухе, стройные ножки невесты в спущенных до колен ажурных колготках.

Его невесты, которую держали за щиколотки, вколачивая нечто меж ног.

Витька Пронин со спущенными брюками вилял голым задом, отчего раздавались шлёпающие звуки.

Оксана громко стонала.

Оба были предельно увлечены.

Мишка кинул в спину Витьке свадебный букет, хлопнул дверью и побежал.
По дороге схватил с чужого стола бутылку шампанского, снял и выбросил пиджак.

Ещё он вспомнил, что пил прямо из горла, что метался по шоссе в попытке броситься под колёса.

Потом его погасили.
Или он сам потушил свет.

Что было дальше, скорее всего, восстановить не удастся. Наверно его увезли на скорой помощи, без документов, ведь паспорт был на регистрации брака.

Мишка не хотел верить.

– Нет, нет и нет, – кричал он. Этого просто не может быть.

– Чего разорался, – оборвала его неожиданно вошедшая Мария Ивановна, – потерял чего или как, почему дверь нараспашку? Ого, кто это тебя разукрасил, с Чубайсом что ли подрался?

– Потерял, Мария Ивановна! Скорее нашёл. Только понять не могу, зачем Оксанка свадьбу-то затеяла.

– Может, объяснишь всё же! Одни загадки у тебя нынче.

– Всё хорошо. Наверно так даже лучше. Холостой я, Мария Ивановна. Холостой и свободный. Совсем свободный. Как же всё здорово складывается!

В том окне, где не горел свет

Забывают лица, слова и даты,

но живёт веками один сюжет:

не забыть того, кто тебя когда-то

так и не сумел полюбить в ответ.

Ок Мельникова

Обиженный человек более всего на свете желает насладиться возмездием, но отмщение не дарит успокоения, оно возвращается бумерангом, круша и калеча как мстителя, так и всех, к кому тот прикоснётся.

ВиктОр, именно так он себя называл, когда знакомился с женщинами, с ударением на букву “О”.

– ВиктОр Осташков: талантливый программист, интеллектуал, поклонник женской красоты, хорошего вина и доверительных отношений, – представлялся он каждый раз, когда на горизонте событий появлялась новая фея, достойная внимания.

Вкус разработчика алгоритмов, интерфейсов и программных движков, создателя и дизайнера виртуальных миров, системного администратора, по совместительству талантливого хакера, способного проникнуть в чьи угодно секреты, если они находились в пределах цифровой доступности, был весьма разнообразен.

Мужчина любил женщин незаурядных, раскованных, свободных, желательно страстных, которым в равной мере присуще очарование, изящество, привлекательность и гибкость, не говоря уже о молодости и доступности.

В отношениях он не признавал иных правил, кроме абсолютной свободы. Для себя лично.

Те дамы, кто знал этого сластолюбца достаточно близко, могли поклясться, что отказать ему почти невозможно.

Как у него получалось, что даже самые стойкие, самые консервативные, недоступные и целомудренные представительницы слабого пола, взволнованные, растроганные до глубины души таинственным обаянием, бежали на свидание с ним, теряя голову, забывая о скромности и добродетели, практически по первому зову, было непонятно.

Он смотрел жертве в глаза так, что женщины, не помня себя, бросались в его жаркие объятия.

ВиктОр никого как бы и не бросал надоевших прелестниц, просто однажды сворачивал отношения, как это обычно делают официанты с использованной скатертью, и немедленно начинал новые, оставляя добровольным мученицам неразделённых чувств надежду, что когда-нибудь... потом, неважно когда, симфония любви возможно повторится.

Карлсон как бы улетел, но ведь он обещал вернуться.

Удивительно то, что даже расставался достойный кавалер настолько учтиво и галантно, так выстраивал сценарий грядущей разлуки навсегда или надолго, что все брошенные любовницы считали его едва ли не рыцарем.

А ВиктОр наслаждался их душевными и физическими страданиями, поскольку некогда испытал подобные муки сам.

Выходит, мстил.

Он был лёгок на подъём, когда случалась возможность развлечься в любой компании, где можно было встретить новую соблазнительную гетеру, будь та одинока или связана священными узами Гименея.

Замужних прелестниц ВиктОр охмурял с гораздо большим удовольствием, чем невостребованных для размеренной семейной жизни, отмеченных печатью безбрачия женщин.

Ему нравились шумные сборища с накрытыми столами, с вышколенным персоналом, с просторными танцевальными залами и живой музыкой, где веселились ухоженные, дорого, со вкусом одетые женщины, которых обхаживали статные мужчины в сшитых на заказ или купленных в престижных бутиках костюмах с бросающимся в глаза материальным благополучием.

В независимых дамах, не имеющих постоянных поклонников, возлюбленных и мужей, у которых не было вкуса и светских манер, он подозревал комплексы скрытых изъянов, поэтому увлекался ими неохотно, лишь в случаях, когда не мог подыскать более интересную партию.

Для ВиктОра весьма важен был фактор опасности предприятия, сложности изысканных и эксклюзивных технологий соблазнения с возможно более глубокой степенью греховного падения избранницы.

Он не был охотником за простушками и откровенными шлюхами. Его увлекали женщины темпераментные, с выраженным характером, с незыблемыми культурными и этическими принципами, высокой степенью социальной ответственности, с развитым стремлением к моногамии и верности супругам.

Победа над прелестницей, никогда не переступавшей черту семейного целомудрия, у которой понятие измена однозначно предательству и духовной смерти, искушение её разбуженным сладострастием, пошловатыми чувственными наслаждениями, обманчиво романтическим бредом; низвержение в бездну греховности – именно этот процесс дарил ВиктОру вдохновение.

Ловелас наслаждался убедительными победами над теми, кого охмурить невозможно в принципе.

Для него не существовало понятие греха. В извращениях и непристойностях он находил смысл существования. Унижая любовницу, ВиктОр вырастал в собственных глазах, возвышался над ней и что ещё важнее – над её статусным мужчиной.

Чем более ревнивым, состоятельным и социально значимым был супруг или любовник, тем большее удовлетворение испытывал этот удивительный персонаж.

Однако он никогда не был разоблачён, опозорен или бит: использованные и униженные им женщины ни за что не хотели признавать себя жертвами. Более того, они боготворили обес-

честившего и бросившего их на произвол судьбы любовника, мечтали, грезили о продолжении похотливых приключений.

Женщины, которых он намеренно страстно заключал в объятия, забывали о том, что когда-то гордились добродетелью.

Впрочем, непорочных женщин Виктор не встречал ни разу, кроме одной единственной, той, что не поддавалась его тщеславному, весьма безнравственному обаянию, хотя и она испытала в полной мере эгоистичную сущность его псевдоромантической настойчивости.

Мужчина так долго и безуспешно добивался благосклонности той удивительной женщины, что обозлился на весь мир, особенно на обеспеченного, отмеченного печатью публичного таланта элегантного господина, который посмел нагло перейти ему дорогу.

Виктор умолял её, пытался купить, взять силой, преследовал.

Тщетно. Это была его единственная настоящая любовь. Всех прочих женщин Виктор попросту использовал.

У дамы в том окне, где сейчас не горит свет, оказалось больше ума, характера, самообладания и сообразительности, чем у любой из тех респектабельных красоток, которые готовы были ублажать беспринципного героя-любовника, цинично превращаясь в легкомысленных и подлых изменщиц.

Осташков убеждал себя в том, что стал сексуальным монстром из-за неё, из-за женщины, которая посмела его отвергнуть. Это неприятное событие, сокрушительное поражение, с которым он так и не смог смириться, случилось давно, но вызывало душевные страдания до сих пор.

Каждый раз, когда Виктор со злорадной ликующей мстительностью прерывал очередную пикантную связь, когда процесс завоевания и порабощения низвергнутой любовницы переставал питать его эго энергией, мужчина приходил в этот двор оплакивать единственное, но весьма чувствительное фиаско.

Он тихо сидел на скамеечке в глубине скверика, скрытый отросшими деревьями, и страдал, глядя на окно третьего этажа, где почти никогда не горел свет.

Проникнуть туда, в темноту загадочных комнат, но не как вор, а в качестве единственного любимого, вот о чём Виктор грезил, вот чем жил, забывая о том, сколько женщин мечтает о том же, безнадежно заглядывая в его окна. Жил и понимал несбыточность сокровенного желания, смутно сознавая, что наказание низменных деяний заключено в ткань самого преступления.

Этот мужчина, увы, так и не научился любить никого, кроме себя. Но об этом знали лишь он, и та женщина, в окнах которой не горел свет.

Верка

Сон пригрезился замороженный:

И щипала себя, и резала,

Застрелиться пришлось, короче, мне...

Пробудилась – в поту и трезвая.

Юлия Соломонова

Верка работала телятницей на третьей, самой старой ферме, где не было никакой механизации и вообще ничего, кроме разваливающихся стен с обветшалой крышей, да стойл, пропитанных насквозь мочой и навозом. Даже примитивного дощатого пола в этом утлом сооружении не было.

Все технологические процессы здесь приходилось исполнять вручную.

В качестве тягловой силы – старая седая кляча со странной кличкой, Лариска, слепая на один глаз.

Работница тоже мало чем отличалась от своей подопечной: длинные, спутанные, местами полинялые волосы, не знающие внимания и заботы, проваленный беззубый рот, выцветшие глаза с поволокой из безнадёги, глубокие морщины, заскорузлые грубые пальцы с обкусанными ногтями.

Картинка не очень симпатичного облика дополнялась сутулой осанкой, мужицкой застиранной одеждой, подвязанной огрызком пенькового каната и лексикой на две трети состоящей из непереводаемого русского фольклора.

Старуха (оказалось, что впечатление обманчивое – ей и тридцати нет) была замужем, имела на попечении трёхлетнюю дочурку.

С моим приходом в совхоз в качестве зоотехника работница вдруг стала стахановкой и на глазах начала преображаться: трудится день и ночь, млеет от каждой похвалы, даже пытается флиртовать, что выглядело неуместно, нелепо.

Представьте, что вам подмигивает, краснея и смущаясь, застенчиво кокетничает, раскачиваясь и приподнимая плечики косматая старуха-нищенка. При этом она робко рисует на заляпанном навозом полу ножкой в резиновом сапоге рисунок, напоминающий по форме сердечко.

Где-то так.

Лично мне становилось не по себе от такого рода внимания, хотя я был настолько юн, что принимать эти игровые намёки всерьёз никак не мог – фантазии не хватало.

Верка делала всё для того, чтобы я её заметил: обстригла и причесала волосы, подкрашивала губы. Вместо застиранной спецовки стала одевать цветастую кофточку, обнажившую рельеф довольно стройной фигуры, поверх брюк – весёленькую юбочку.

Разительные перемены стали заметны всем. Кроме меня.

Не хвалить ответственного и дисциплинированного работника я не мог. В пример другим её достижения ставил постоянно, что вызывало Веркино смущение.

Позднее я понял, что она терпеть не может, когда я выделяю её при всех. Женщина ждала внимания индивидуального и совсем иного.

В ней вдруг проснулась женственность, которая, похоже, долго не приходила в сознание и вдруг очнулась.

На таких выносливых, неутомимых трудягах как Верка вся деревня пока что держится.

Ни для кого не секрет, что женщина на селе в любом случае превращается в бабу. Романтические и женственные натуры покидают пределы села сразу, как только представляется такая возможность.

В деревни по поводу причин стремительного Веркиного преобразования не на шутку шушукались, сочиняли всякого рода “правдивые” истории, в которых именно я, “недёржанный” блудливый холостяк, был источником её скандального вдохновения.

Непристойное поведение, всякого рода грехопадения и оскорбление целомудренной семейной нравственности в местности, где даже телевидения нет, чтобы отвести душеньку, самый востребованный повод для сенсационных коммуникаций.

Впрочем, я старался не реагировать: не до этого было. Мало того, что молодость сама по себе слепа, глуха и беспечна (я ведь только вылетел из родительского гнезда), привыкать к скудному и нелёгкому деревенскому быту было совсем не просто для вчерашнего горожанина.

Верка тем временем агрессивно окультуривалась: на ферму приходила в нарядной одежде, гладко причёсанная, чистенькая. В спецовку уже на месте переодевалась, причём старательно попадалась мне на глаза.

Глупая баба. Ну, скажите на милость – какой резон молодому парню глазеть на замужнюю женщину, убитую к тому же тяжёлой работой?

Однажды вечером, я уже к тому времени закончил с повседневными домашними делами, поужинал, готовился немного почитать перед сном.

Внешний вид деревенского обывателя, готовящегося прилечь, понятен: ноги в обрезанных валенках, семейные трусы и голый торс.

На стук в дверь смело ответил “входи”. Как правило, в это время иногда приходили друзья сыграть в шахматы.

Молчание, но потом кто-то робко постучал ещё раз.

Открыл дверь, а там Верка.

Двумя руками держит на груди цветастый узелок: чистенькая, причёсанная, с подведёнными ресницами и накрашенными яркой помадой губами.

Одета весьма прилично, по молодёжному.

Больше всего удивили модельные коричневые ботиночки малюсенького размера.

Даже представить не мог, что у неё настолько миниатюрные ступни, осиная талия и вполне соблазнительные бёдра.

Верка была не похожа сама на себя. Просто немыслимое несоответствие с размером мозолистых ладоней и привычными на работе безразмерными сапогами.

Ноги в капроновые чулки затянуты, платье до колен из чего-то воздушного, но сразу видно, что носить подобные кружева женщина не умеет. То ли из старых запасников достала, то ли в посёлок ездила за обновкой.

Массивные золотые серьги в ушах, несколько рядов ажурного плетения цепочек из драгоценного металла, витой браслет на тоненьком запястье.

Да она и не старуха оказывается вовсе, нормальная молодая женщина. Мне, конечно, в подружки не годится, а так ничего.

Однако впечатление основательно портит кошмарный запах отвратительно резких духов вперемежку с тошнотворным ароматом коровника, который невозможно ничем заглушить или закамуфлировать.

Запах навоза несмываемый, вечный. Он впитывается во все поры. Даже если не ходишь на ферму целую неделю, определить место работы не составляет труда. Ничего с этим не поделать – такая уж специфика у этой профессии.

Позитивное впечатление основательно портит беззубая провалившаяся улыбка на измождённом лице.

Это неземное создание стоит, кокетливо переминаясь с ноги на ногу, носочком миниатюрного, почти детского ботиночка рисует на полу восьмёрки и смотрит на меня исподлобья застенчивым взглядом.

Я заметался в поисках, чего бы на себя накинуть.

Трусы, конечно, вполне пляжные, но я всё-таки её начальник – не могу предстать перед своей работницей в неглиже.

Пришлось завернуться до пояса в махровое полотенце и накинуть ватную телогрейку.

– Чего тебе, Вера? Отгул, извини, дать не могу. Все подменные животноводы заняты.

– Да не, Петрович, я к тебе лично. Я это, – проходит к столу, разворачивает

свой узелок. Внутри большая банка молока, варёные яйца, сдобные пирожки, исходящие жаром и бутылка водки.

– Ого! По какому поводу, чего празднуешь?

– Ещё не знаю.

– Так ты в гости или как? Что за гостинец, никак взятка?

– Скажешь тоже. Я это, – замялась она, оглянувшись на дверь и занавешенные пожелтевшей газетой окна, отступила на шаг, опустила к подолу руки, скрестив их загадочным образом, и рывком сдёрнула платье, как это умеют только женщины, под которым ничего не было надето, кроме капроновых чулок.

Неожиданно, эффектно.

Конечно, я опешил, увидев разом всё то, что для постороннего взгляда совсем не предназначено.

Кстати, кожа у неё оказалось упругой, белой, бархатистой, а живот плоский и грудь стояла колокольчиком.

Парень я молодой, женской лаской не избалован, потому, на секретные интимные объекты отреагировал воинственно, моментально ощутив ритмичное движение крови снизу доверху.

Лицо, понятное дело, обдало жаром, по телу вразнобой поскакали стада разного размера шустрых мурашек, голова наполнилась разноцветным туманом.

Упругие груди, словно вылепленные из гипса, смотрели на меня, не мигая, яркими вишенками малюсеньких сосков. Приятное, между прочим, зрелище.

Читал где-то, что созерцание женской груди продлевает жизнь, спасает от инсультов и инфарктов, поднимает настроение... и не только. Я это сразу понял.

Сердечные ритмы несогласованно, нервно вытанцовывали ламбаду, беспорядочно пульсируя сразу во всех направлениях, словно перед прыжком в бездну.

Её кровеносные сосуды ажурными кружевами переплетались под кожей, образуя возбуждающе-похотливый рисунок. Плоский мускулистый животик соблазнял немислимой притягательной силой.

Несоответствие внешних декораций с тем, что скрывала от глаз неприглядная униформа, было поразительным, немислимым.

Мохнатая поросль между ног притягивала мой нескромный взгляд, пытаюсь продолжить движение за пределы видимости, а прочее домыслить. Я пытался противиться соблазну, но воображение вело дальше и глубже, предлагая немислимые варианты.

Веркина шея и бледная кожа груди пылали пурпуром.

Миниатюрные белоснежные грудки вздымались в такт глубокому дыханию, требуя, даже настаивая – дотронься!

Наваждение нарастало с ускорением, путая мысли, кружа голову.

Женщина смяла невесомое платье в горсть, спрятала в него лицо и заплакала, не принимая, однако, попыток скрыть завораживающее зрелище.

Ноги широко расставлены, напряжены, под кожей пресса вибрируют развитые мышцы, холмики грудей ритмично подсакивают в такт всхлипываниям.

Какие, чёрт возьми, ещё нужны подсказки?

В таком виде, без лица, она была обворожительно прекрасна.

Если учесть, что так близко и откровенно я увидел соблазнительную картинку впервые в жизни, не сложно представить, как вела себя химическая фабрика моего созревшего, готового к первородному греху организма.

Я был ошеломлён щедрым подношением, растерян, импульс посылаемый мозгом приказывал действовать немедленно. Я едва не поддался на провокацию.

– Люб ты мне, зоотехник! С первого дня люб! Только о тебе и думаю, спать не могу. Возьми меня, Христом богом молю. Ты же понимаешь, о чём я тебя прошу. Ну, хоть один разочек? Дай мне почувствовать себя женщиной, девушкой. Не побрезгуй. Ты же мужик, чёрт возьми. Чего тебе стоит. Только один разок, всего. А я счастлива буду. Я ведь молодая ещё, красивая. Во всяком случае, тело у меня совсем не такое, как лицо. Ну, пожалуйста, Петрович!

Всё это она произнесла скороговоркой, словно боялась не успеть или передумать.

Верка, соблазнительная до жути, до колик в животе, стояла не двигаясь. Я сидел в двух шагах, пригвождённый намертво к колченогому стулу, на который свалился, отпрянув от неожиданного зрелища.

Мы оба пребывали в ступоре, только ситуацию видели и чувствовали с разных сторон.

Должен же быть выход из этого щекотливого, неоднозначного положения. Обязательно есть.

Я с трудом встал, голова совершала отдельный от тела кругосветный полёт.

На меня резко накатывали одна за другой штормовые волны сладострастия, перемежаемые моментами отрезвления, когда становится понятно, что нельзя брать всё, что дают даром.

Невыносимо, до боли в паху, хотелось немедленно, прямо сейчас стать мужчиной.

Вот она, Верка, стоит передо мной, демонстрируя убедительные достоинства, хитроумные чувственные соблазны, способные лишить рассудка практически каждого, кому посчастливится лицезреть молодую женщину в таком пикантном обличье, ожидает приговора, мечтает отдать своё крепкое тело без оговорок в полную власть повелителя, которым сегодня и сейчас считает меня.

Согласитесь, выбор не из лёгких.

Поборов кое-как желание, я накрыл солдатским одеялом худенькое тельце.

Верка запахла байковую ткань, обернула вокруг себя, покраснев в одно мгновение. Отвернулась, принялась шептать, – дура я! Какая же я дура! Ты начальник, зоотехник, а я кто? Вот видишь – не вышло праздника. Не получилось. О чём только думала, корова бестолковая. Вот этими позорными мощами хотела мальчишку соблазнить! Опозорилась, осрамилась. Стыдно-то как, боженьки-и-и! И теперь чего, а? В петлю, в омут! Как стыдно!

Мозги мои, временно отделившиеся от брэнного тела, совершали меж тем страстный эротический экскурс, переживая массируемую химическую атаку со всеми вытекающими из поражающих факторов последствия, но всё же постепенно начали возвращаться на привычное место.

Я нарезал круги на пяточке ограниченного пространства малюсенькой своей кухоньки, лихорадочно обдумывая тактику сопротивления.

– Вера! Мне очень жаль... нет, не так. Ты что, правда поверила, что я настолько голодный и распушенный, что ради одноразового секса готов на всё? Это бред! Ты... открыла для меня самое сокровенное, что у тебя есть, доверилась... ожидала ответной реакции, возможно даже любви. Но меня-то ты не спросила. У тебя есть чувства, но и у меня тоже. И я тебе откроюсь, хоть и очень-очень не хочу этого делать. Я мальчик. Не по возрасту, а как мужчина. Не было у меня, слышишь, не было, ни-ког-да не было ни одной женщины. И знаешь это только ты одна. Я обязательно стану мужчиной. Однозначно стану. Но только по любви и только с той, кого выберу сам. И дело не в том, что кто-то узнает, распустит сплетни. На это мне плевать. Это внутренняя потребность. Понимаешь – внутренняя духовная потребность: чтобы отношения, любовь, начинались с чистого листа, без обмана и недомолвок. Чтобы всё по-честному. У меня будет одна девушка, она же невеста и она же жена. Она ищет меня, я – её. Ты меня понимаешь, Вера! Ведь ты замужем. Что подвигло тебя на такой безрассудный шаг? Ты хоть представляешь последствия такого шага?

Она кивает нехотя, прячет заплаканные, бесцветные, водянистые от слёз глаза, просит отвернуться, чтобы надеть платье.

– Извини! Я, правда, полная дурища. Только я иначе представляла наше свидание. Думала, сможешь меня понять, – она резко повернулась, открыв моему взору оголённый худой зад, спину с выпирающими лопатками и рельефным позвоночником, ища ручку двери трясущимися руками.

Неужели настолько расстроилась, что способна выбежать раздетой на деревенскую улицу, где невозможно ничего ни от кого скрыть, где только и ждут повода для сплетен?

В деревне даже столбы с глазами. Наверняка сарафанное радио уже объявило, что Верка в гостях у зоотехника. То, что с ней происходит – настоящая истерика.

Затопленные слезами глаза не дают верного ориентира.

Вера ударяется лбом о косяк, начинает выть, приседает, тычась лбом в стену, не замечая, что одеяло свалилось, что опять предстаёт перед моим взором в чём мать родила, только реакция на её наготу теперь совсем иная.

Мне Верку до невыносимости жалко, даже стыдно перед ней.

Хочется немедленно накрыть от постороннего взора, хотя кроме нас здесь никого нет, наивную, выставленную напоказ плоть, но мне стыдно до неё дотронуться.

Мысленно, если быть до конца честным, я уже не раз совершил с ней совокупление, дотрагивался до груди, целовал животик.

Было, чего греха таить. Плоть глупа. Инстинкт самца любого может превратить в животное.

Лишь я один знаю, чего стоило отказать.

Себе и ей.

Сердце до сих пор выскакивало из груди, внизу живота разбуженный зверь вибрировал, напрягался, переполненный кровью.

Я изо всех сил пытался успокоиться. Даже голосом не хотел показать возбуждение.

– Приходила-то зачем, Верунь? Давай, что ли пироги твои есть. Простыли небось, пока ты художественной гимнастикой занималась. Да и водочка в самый раз сгодится. Посидим, погорюем на пару, пожалуемся друг другу на жизнь горемычную. Думаешь, у меня нет повода грустить? Да сколько угодно. Проходи, садись. В ногах правды нет. Да улыбнись, наконец! Только сначала оденься. Негоже перед начальством голыми ягодицами сверкать.

Верка долго сморкалась, умывалась, громко щёлкая соском умывальника, то и дело подправляла падающее с бёдер одеяло.

Казалось, что она тянет время намеренно, всё ещё надеется, что передумаю, соблазнуюсь, и праздник, не смотря ни на что, состоится.

Одевалась Верка, совсем не скрываясь, тайком исподлобья поглядывая на мою эмоциональную реакцию.

Она долго поправляла платье, ёрзая, поднимала подол, демонстративно подтягивала трусики, которые оказались отчего-то у неё в кармане платья, хотя пришла без них.

Ещё более картинно натягивала и поправляла чулки, поднимая попеременно ноги на сиденье стула, оглаживая ноги.

Уходить от меня побеждённой она не хотела. Пыталась, во что бы то ни стало очаровать, чтобы заглушить стыд хоть этим. Отдаться по любви, считала она – совсем не грех.

Процесс одевания занял времени раз в десять больше, чем обнажение.

Поколебать моё решение уже было почти невозможно.

Хотя, хорошо, что Верка не знала об этом: я был на грани.

К этому моменту ко мне окончательно вернулась способность логически мыслить, хотя теперь и мои глаза были на мокром месте.

Согласитесь – ситуация не простая. В подобных испытаниях заключён целый букет разных смыслов. Я лично многое для себя понял.

Думаю, Вера тоже со временем уяснит, что поступила опрометчиво, необдуманно.

– Ты, Вера, молодая ещё, – растерянно назидал я, – а смотри, как себя запустила. С виду тебе на пенсию пора. В твои годы девчонки на танцы бегают, а ты крест на себе поставила. Сделай причёску, вставь зубы, купи красивую одежду, косметику, наконец. Никто ведь не подарит тебе саму себя в соблазнительном облике на день рождения. Образ романтической женственности и личное счастье создавать нужно. Понимаю, что не просто, но под лежащий камень вода не течёт. Извини за поучение. Наверно момент такой необычный, что без этого не обойтись. Давай выпьем. За наши тайны, которые никогда, никому... договорились? Давай, Вера, на брудершафт! Ты ведь меня чуть было не соблазнила. Ещё чуточку и я бы однозначно созрел.

Менторский тон и поучающая речь – защитная реакция. Поединок продолжается. Ни она, ни я этот бой ещё не проиграли и не выиграли. В отношениях между мужчиной и женщиной всё настолько сложно, непредсказуемо, что бессмысленно делать прогнозы.

Мозг и дух, не всегда могут справиться с ситуацией, когда всемогущая природа бросает вызов, пуская в ход тяжёлую артиллерию в образе вездесущих гормонов и мощных инстинктов.

– Петрович, я ведь готова повторить. Дотронься вот здесь. Не пожалеешь. Я щедрая, ласковая. Не представляешь, как я тебя хочу.

– Всё, Вера, проехали. Медведь издох. Я сейчас – зоотехник, ты – моя работница. И давай не будем продолжать. Это нечестно. Пусть там тебя муж трогает.

На самом деле я мечтал о естественном, вполне логичном ответе на Веркино предложение. Почему нет? Это же ни к чему не обязывает.

Молчком чокнулись наполненными стопками, выпили.

Закусывать почему-то не стали. Наверно нервы или интимное напряжение аппетит перебили.

Алкоголь подействовал незамедлительно, можно сказать мгновенно, развязав нам языки.

Сразу стало легче.

Даже плоть, казалось бы, успокоилась, но скорее дремала, готовая в любую секунду взорваться приступом непреодолимого желания с непредсказуемой силой и неясными последствиями.

Я чувствовал это, крепился, старался контролировать слова, движения, действия, но мысли то и дело выхватывали откуда-то малейшие поводы для соблазна.

– Объясни мне, Вера, что это было на самом деле, только без бабских штучек. Мне обязательно нужно понять. Блажь? Ты чё, не можешь ни минуты без секса, или муж не справляется? У тебя же дочь растёт. Прелестная малышка, я её видел. Дом, пусть не твой, совхозный, вполне добротный. У других и такого нет. У меня, например. Хозяйство у тебя справное. Муж молодой, механизатор не из последних. Зарабатываете оба ого-го, мне о таких деньжищах только мечтать. Сказать, сколько мне платят? Сто двадцать рубликов. Ты получаешь втрое больше. И вдруг такой кардебалет. Что происходит? Чего тебе не хватает, что тело своё на подарки раскидываешь?

Слёзы из её глаз не просто полились – брызнули.

Платки уже перестали впитывать влагу, пришлось дать полотенце.

Разговор петлял туда-сюда, скрывая главное где-то очень глубоко внутри Веркиного душевного пространства.

После второй рюмашки глаза у собеседницы прояснились, появились в них непокорные хмельные искорки, толика агрессии, желание выговориться.

Уж если она решилась обнажиться и предложить себя в качестве одноразовой любовницы, то оголить душу, вывернуть её наизнанку – просто необходимо.

Не может человек держать в себе нарастающий снежным комом ворох проблем, перемазывая и складывая на полочки.

Невысказанное горе давит на психику, толкает на необдуманные поступки, будоражит.

Хмельная Верка стукнула кулаком пол столу, упёрла руки в бока, – прав ты, Петрович, есть у меня страшная тайна. Прячу её сколько лет от всех и от каждого, даже себе лишний раз боюсь напоминать, только мне от того всё равно горько и противно. Нет у меня мужа на самом деле! Нет! Хотя и живой он, а хуже мёртвого. Он ведь когда из армии пришёл – гоголем ходил. Красивый, сильный, весёлый. Враз округил. Влюбилась в него без памяти. От одного прикосновения в обморок падала. Думала – дождалась-таки своё бабское счастье.

Верка схватила бутылку, налила себе, опрокинула в рот, сморщилась, закашлялась, опять залилась слезами.

Мне пришлось выдержать несколько минут истерики с соплями и воем.

– Тогда я краснела и потела, коли за руку возьмёт, а уж когда поцеловал в первый раз, вовсе ума лишалась. Я ведь тогда себя берегла для праздника жизни, целомудренностью гордилась, носила свою девственность, как бесценный приз для единственного избранника. Идиотка! Через месяц поженились. Свадьбу как у всех сыграли. Совхоз нам дом построил. Всё честь по чести.

Доверительная беседа погасила, наконец, остатки соблазна. Теперь я уже не воспринимал Верку как сексуальный объект. Даже не как подчинённую видел.

Сидят два приятеля, выпивают, изливают душу. Это же так по-русски. Можно сказать, наша национальная забава – вываливать друг на друга под хороший закусон всё, что гнетёт и давит.

– А потом, Петрович, понеслось: он на меня взлезает, а у него не стоит. Опять пыжится: с тем же успехом. Я успокаиваю, уговариваю, глажу его, обнимаю. Нет ничего. А утром, пока спит, штука эта у него словно железяка. Я ему о том и сказала невзначай. Он мне с разворота фингал под глаз и нарисовал, да ещё ногами добавил. Потом пить начал, а как напьётся – в драку. Зубы-то он мне выбил. Не сразу, потихоньку, словно смаковал. Никому ничего не рассказывала, всё ждала – одумается, обойдётся. Он ведь, похоже, правда, любил меня поначалу. Так притворяться невозможно. Вот оно как бывает. А моя... моя-то вина в чём, скажи!

Верка стукнула кулаком по столу, ласково потрогала грудь, тяжело вздохнула, закрыла глаза. Видимо слишком живые и болезненные воспоминания выползли наружу из глубины памяти. Возможно, думала – стоит ли продолжать. Слишком уж разоткровенничалась.

– Я ведь тогда красивая была, гладкая, не то, что сейчас. Все так говорили. На свадьбе сияла, как медный грош. Какую жизнь рисовала в воображении: сказочную, радостную, сладкую. Теперь самой тошно. Ничегошеньки не сбылось. Теперь ты последнюю надежду отнял. Да я не в обиде. Слышь, зоотехник, я ведь никому не скажу. Уважь, а! Пусть обсуждают, пусть брешут. Можно подумать, другие святы. Да я такого могу порассказать – уши завянут. Я ведь сладкая.

Верка подняла взор, посмотрела на меня пристально изрядно захмелевшими глазами. Видно хотела понять мою реакцию на свой печальный рассказ и мольбу о помощи.

Я слушал внимательно, но отбил очередную атаку.

Она продолжила:

– Потом ребятёночка захотела, – на этом месте Верка замолчала, сомневалась, стоит ли продолжать, – люди стали на меня косо поглядывать. В деревне, если ты яловая – значит, никудышная, порченная.

– Долго я думала, решала, как быть. Вожделение, стремление стать матерью, ласкать дитя – всё вместе обносило голову. Сама не знаю, откуда потребность в мужской ласке появилась, но уж что бог дал. Иногда переступала за грань, почти решилась лишиться себя жизни. К подружке в посёлок поехала, совет спрашивать. Деревенским остереглась открыться. Мы с ней и сговорились под рюмочку, что делать. Сидели однажды, как сейчас с тобой, выпивали, откровенничали, она и предложила своего знакомого. Организовала нам встречу, комнату свою предоставила.

Верка криво ухмыльнулась. Хмыкнула. Пару раз с силой приложила кулаком по столу.

– Я себя чувствовала разведчицей в тылу врага. Сама не понимаю, как решилась. Двести рублей отдала за любовь. Всю ноченьку он меня охаживал. Ох, как любил. Как вспомню – враз мокрой становлюсь. От него и понесла. Вот за столько лет один единственный раз с мужиком спала. А ты говоришь – блажь, ни дня без секса. Думала, хоть ты поймёшь. Я же вижу, ты добрый. Может, мы это, Петрович... пока не поздно, а, на полшишечки, чисто по дружески? Ты же знаешь: баба пьяная, считай, что чужая, бесхозная. Совесть опять же, есть, чем умаслить: не помню и всё.

– Верка, не начинай. С друзьями не спят. Вот! Добрый! Нет, не добрый я – очень даже злой. И хочу, не меньше, чем ты... но не буду.

– Ты чего, Петрович, взъелся, это я так, для порядку, для разведки. Может ты того, стесняешься? Я-то уже отбоялась. Могу глаза закрыть, если что. А своего я тогда напоила до обморока, наутро сказала, якобы всё у него в тот раз получилось как нать. Даже натёрла ему кончик для достоверности. Месяц ходил сияющий, потом полез в очередной раз, да опять обломался. С той поры и взбесился. Кулачищи у него – будь здоров. Как шибанёт – из меня дух вон.

Верка потрогала грудь, потом скулу. Видно, это были его излюбленные мишени, прикусила ладонь до крови. Пришлось заливать рану водкой, бинтовать.

– Чего только людям врать не пришлось, да ведь шила в мешке не утаить. Поняли все, что зубы я сама себе выбить не могу. Сильно его бояться стала, да только куда мне податься? Родители умерли, а больше никого нет. И пьёт, зараза, каждый день пьёт до скотского состояния. Как увижу, шатается – прячусь куда подальше, а он ещё злее оттого становится. Однажды так меня изуродовал, что не вытерпела и треснула ему по башке со всей дури чугунной сковородкой. Думала насмерть. Провалился, не вставая, дня три. Вроде отошёл. А позже совсем у дурака крыша съехала. Заговариваться стал, черти ему мерещатся. Водка тому виной или чугунина – кто знает. А я молодая. Я мужика хочу. Всё время хочу. И сейчас, тоже. Гад ты, зоотехник. Чего тебе стоит? Среди ночи от желания в поту вскакиваю. Думаешь легко на такое решиться, чтобы любовь как на паперти милостыню выпрашивать? Да мне от стыда провалиться хочется. И что теперь?

– А теперь займись собой. Всерьёз займись. Увидишь, как жизнь изменится. Зубы вставь, причёску сделай. Чего я тебя учу, ты ведь женщина, сама знаешь, как мужика увлечь, чтобы соскочить не смог.

– Ха, ты-то соскочил. Посмотри... посмотри, грудь у меня какая, словно не двадцать семь мне, а семнадцать. Дотронься. Ага... советник хренов.

Долго ещё мы откровенничали. Бутылку допили.

Потом я Верку провожал. После, она меня. Там опять я...

Утром сарафанное радио из каждого утюга вещало о нашем грехопадении.

На меня просто показывали пальцем, а Веру срамили почём зря, умножая её и без того неподъёмное горе.

Но, то ещё не трагедия.

Непоправимое позже случилось – недели через две.

Мужик её сначала запил основательно, беспробудно, когда слухи упорно поползли, потом улёгся лицом к стенке, есть перестал, орал по ночам.

Вера думала, что белая горячка, но однажды ночью он повесился.

Тут и мне досталось.

Людская молва – то ещё пыточный станок. Словами так орудуют, словно живьём гвозди в голову загоняют.

О том до сих пор при каждом случае вспоминают. Я привык – не обижаюсь. Неприятно, конечно, но тайна есть тайна. Её беречь нужно, иначе та становится сначала новостью, а затем байкой.

А с Верой я здороваюсь всегда индивидуально, уважительно. Мы же теперь друзья как-никак.

Мы переглядываемся, молча, киваем друг другу одобрительно в знак солидарности.

Кстати, через месяц после похорон она вставила зубы, сделала модельную причёску, приоделась.

По её настоянию построили новый телятник, с механизацией.

Чуть позже Веру было не узнать: не красавица, нет, но приятная, обаятельная молодая женщина.

Ещё через несколько месяцев она вышла замуж. Правда, без свадьбы. Приглашать было некого.

В деревне появился девятнадцатилетний паренёк, отсидевший год по хулиганке – подрался с кем-то не тем. Нормальный вполне, спокойный как слон, симпатичный, добродушный.

Вскоре Вера ходила с животиком, сияя неподдельным женским счастьем.

Бывает и так: обломала жизнь, сорвала судьбу в штопор, поучила, как следует, но в последний момент позволила выскочить из мёртвой петли.

Настоящие проблемы не приходят к нам в готовом виде. Мы их сами создаём, не желая вовремя реагировать на мелкие неприятности, которые укладываем в фундамент судьбы, словно кирпичики, а когда пытаемся на гнилом основании возводить здание – оно заваливается.

То, что мы называем своей судьбой, лишь совокупность абсурдных действий,

совершённых необдуманно, не более того.

Когда-то я слышал каламбур, который звучал приблизительно так: не бойтесь своего будущего, оно ненастоящее.

Взрослая жизнь

*Последний кофе... и точка.
Сегодня он горше хины...
в него б коньяку чуточек,
а лучше – щепоть стрихнина.
Елена Зимовец*

С некоторых пор в скромную, необыкновенно застенчивую Зойку вселилось нечто, о чём она смутно догадывалась, но даже себе не смела признаться. В её, несформированное ещё девичье сознание просочилось нечто невообразимое, о чём девушка помышлять не смела, а тело и вовсе сошло с ума.

Теперь ей захотелось такого, отчего хочется визжать. Страшно подумать, до чего Зойке становилось хорошо, когда она принимала бессовестные, вызывающе непристойные позы, когда дрожала, дотрагиваясь до того, о чём вообще стыдно говорить и думать, чувствуя до безобразия сладкое возбуждение.

От прикосновений и поглаживаний собственного тела, но с мыслями о нём, девушку бросало, попеременно, то в жар, то в холод. Голову заполнял густой вращающийся туман, предвкушением сладкого блаженства сводило живот и бёдра, в низ живота стремительно проникала горячая волна, разжигающая ненасытную чувственность.

Указательный пальчик (прикасаться к кнопке вызова блаженства было ужасно стыдно), скользил по кромке трепещущей раковины, нащупывал заветную жемчужину и застывал, чувствуя, как из-под неё сочится густой сироп.

Дыхание, пульс, сознание – всё разом выходило из-под контроля, где-то в глубине рождалось ощущение чуда, которое росло, росло и вдруг рассыпалось яркими всполохами, заставляя стонать, выгибаться и вибрировать.

Потом в воздухе надолго зависала непонятная тишина, все до единой мысли высасывал вакуум. По телу разливалась невыносимо приятная лень, ужасно хотелось пить, съесть конфетку, ещё лучше целую плитку шоколада.

На этой мысли Зойку накрывала сонливость. Она закрывала глаза и включала непослушное отчего-то воображение, которое нехотя ткало почти бесформенный образ того, кто должен был присниться.

А сейчас девушка танцевала, выплёскивая наружу избыток энергии, помогая себе голосом, – ля-ля-ля, ляля-ляля-а-а-а, я влюби-и-и-и-и-ласть, – с чувством, в переменной тональности, от драматически хохочущего утверждения, до лирически нежного признания себе, со слезой в голосе, используя при этом разные музыкальные размеры.

С нескрываемым наслаждением вокалировала перед зеркалом в полный рост нагая до непристойности Зойка, стройная восемнадцатилетняя хохотушка, внимательно разглядывая себя со всех сторон, – ляляляля, ха-ха, он мой, а прочее неважно!!!

Число восклицательных знаков в данной ситуации не имело значения: она была беззаботна, весела и бесконечно счастлива.

Девушка с нескрываемым восхищением смотрела на худющие, но стройные ножки, на малюсенькую, не больше незрелых яблочек, тугую грудь, до которой невозможно было дотронуться, чтобы не ойкнуть – настолько было приятно осознавать себя не просто влюблённой девчонкой, а почти женщиной, настоящей женщиной, которую любят.

– Ой, мамочки, – сладко представляла Зоя, как Лёнька с головой залезает под блузку. Выше, ещё выше. Здесь. О-о-ой, кажется опять!

О том, что происходило дальше, Зойка не поведала бы даже под пыткой. Это были ощущения на грани.

Даже рядом с Лёшей, самым первым в её жизни мужчиной, она ещё ни разу не была настолько счастливой и раскованной.

На самом деле ничего между ними такого пока не было. Воображаемая любовь, но такая страстная. Он ловко держал её за талию, шептал на ушко удивительные слова, щёкотно дул на лицо и шею, целовал.

Да, целовал, что в этом такого! Зойка готова была раствориться в нём, не то, что губы подставить.

Она была уверена – он любит её. Любит, любит, любит!

Откуда она это знает? Да не знает она, откуда... но знает!

Лёньке двадцать шесть, ей восемнадцать.

Буквально через два месяца после первого свидания Зойка с нескрываемым наслаждением отдалась.

Неважно, что конфетный сезон такой короткий, если по-настоящему любишь.

Лёнька был такой настоящий, такой необыкновенный, такой чуткий и ласковый!

Зойка задыхалась, когда повествовала подругам о нём – о мужчине её мечты.

Что было после, что вначале, о том она красноречиво молчала.

Это была их личная сокровенная тайна. Разве таким делятся!

Лёша приходил два раза в неделю, приносил цветы, сувениры и целовал, целовал.

Если бы вы знали, сколько чувства он вкладывал в поцелуи, как ловко раздвигал языком губы.

Зойка боялась папы, его реакции на взросление, потому они шли исполнять танец страсти на берег реки, в тайный затон, где был малюсенький рыбацкий домик.

Добирались на лодке, которую Лёша без спроса брал на берегу. Уже тогда у Зойки от наслаждения вперемежку со страхом дрожали ноги.

Зажигали костёр, пили чай, мечтали, а потом...

Как нежно, как страстно он делал это!

Похожее наслаждение она испытывала, доводя себя до экстаза самостоятельно, но это, когда мужчина в тебе, когда видишь его глаза, держишь его руки, а блаженство по всему телу разливается как бы само.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.